

Закономерности правового регулирования международных частных отношений

Кудашкин В.В.*

В отличие от гражданских правоотношений, где регуляторами выступают императивный и диспозитивный методы, в международном частном праве основными средствами правового регулирования являются коллизионный и материальный методы. Практический интерес представляет характер регуляторов правоотношений международного частного права, а именно императивный и диспозитивный характер коллизионного и материального методов правового регулирования. В теоретическом плане речь идет о соотношении двух типов правового регулирования: императивно-диспозитивного и материально-коллизионного.

Исследование закономерностей правового регулирования международных частных отношений в настоящей статье будет основано на изучении не только традиционных источников международного частного права, но и в значительной степени законодательства о военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами (далее – военно-техническое сотрудничество, или ВТС).

Такой методологический подход обусловлен свойствами общественных отношений, вытекающих из военно-технического сотрудничества, которое охватывает комплекс международных (межгосударственных) и внутригосударственных отношений, направленных на международный оборот российской продукции военного назначения.

Межгосударственные отношения в области военно-технического сотрудничества являются составной частью международной системы и регулируются международным правом, прежде всего системой соглашений между Правительством Российской Федера-

* Кудашкин Владимир Васильевич – к.ю.н., руководитель группы законодательного обеспечения деятельности ФГУП «Рособоронэкспорт».

ции и правительствами иностранных государств о военно-техническом сотрудничестве. Другой составной частью военно-технического сотрудничества является совокупность входящих в систему внутригосударственных отношений государственно-управленческих и экономических отношений военно-технического сотрудничества, в рамках которых осуществляется внешнеторговый оборот продукции военного назначения. Необходимо иметь в виду, что экономический оборот указанной продукции осуществляется в рамках международных частных отношений, так как одним из элементов внешнеторговых сделок выступает иностранный заказчик (в качестве такого элемента также могут быть: российская продукция военного назначения и действия субъектов внешнеторговых сделок). Совокупность межгосударственных и внутригосударственных отношений военно-технического сотрудничества позволяет говорить об их межсистемном характере, т.е. принадлежности как к международной системе, так и к системе внутригосударственных отношений.

Еще одна характерная особенность отношений военно-технического сотрудничества, обуславливающая использование законодательства в области военно-технического сотрудничества, – это государственно-публичный интерес в регулировании этих отношений, основанный на специфических свойствах продукции военного назначения. Комплекс отношений, связанный с использованием продукции военного назначения, позволяет наиболее эффективно обеспечивать реализацию целей национальной безопасности. В силу этого регулирование здесь носит более сложный и многокомпонентный характер и основано на учете как частных, так и публичных интересов.

Одной из главных задач исследования правового регулирования международных частных отношений является познание объективно существующих связей и отношений явлений реальной действительности, а также закономерностей их взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлияния. Научную ценность представляет не только получение знания об объективной данности, но и раскрытие объективно существующих связей этих явлений через устойчиво проявляющиеся признаки и свойства.

Праву присущи специфические закономерности, характеризующие его бытие и развитие как объективированного институцион-

ного образования¹. Как отмечает В.П. Казимирчук, «закономерности в области развития политических и правовых отношений не могут объяснять все детали каждого правового факта, каждого отдельного правового отношения. Формулируемые юридической наукой закономерности отражают то общее, основное, что имеется в изучаемых правовых и смежных с ними социальных явлениях. Это дает возможность абстрагирования от индивидуальных и неповторимых различий отдельных правовых фактов и оперировать массовыми социально-значимыми явлениями»².

Современная наука международного частного права не располагает знаниями о закономерностях правового опосредования связей и отношений, возникающих при взаимодействии национальных правовых систем в области международных частных отношений. Однако, как подчеркивает В.М. Сырых³, незначительное число знаемых современными юристами объективных законов свидетельствует скорее о недостаточно высоком уровне познания правовых закономерностей, нежели об их отсутствии в праве⁴.

Задача исследования названных закономерностей правового опосредования представляется более чем актуальной, так как знание объективно существующих свойств и признаков связей и отношений позволяет познать природу и сущность правовых явлений, их место в правовой действительности. Методологически обоснованный подход к рассмотрению правовых явлений на основе

---

¹ См.: *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 255.

² *Казимирчук В.П.* Право и методы его изучения. М.: Юридическая литература, 1965. С. 22.

³ *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. В 2-х т. Т. 1: Элементный состав. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2000. С. 54.

⁴ Первым, кто попытался исследовать закономерности правового опосредования международных частных отношений при взаимодействии национальных правовых систем, – А.А. Рубанов в своей монографии «Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем». Однако названное исследование основано на внесистемном подходе к изучению проблемы взаимодействия национальных правовых систем. Ученый делает вывод об объективной способности права отражать, исходя из свойств самой правовой системы. Такое свойство права не является ее имманентным свойством, оно лишь передается как качество, присущее любой системе. Применительно к правовой системе необходимо исходить из того, что она является частью надстройкой системы внутригосударственных отношений. Неотъемлемым свойством системы является ее способность функционировать, т.е. двигаться и развиваться.

системного и диалектико-материалистического подходов предполагает рассмотрение прежде всего их системных свойств и качеств исходя не только из системности собственно права в целом и национальных правовых систем в частности, но и из общественных отношений, являющихся объектом правового опосредования. Именно поэтому специфические закономерности права как институционального образования, в том числе и под углом зрения правового регулирования, во многом выражены в системных связях, которые формируются путем нормативных обобщений⁵.

Таким образом, предметом настоящей статьи является изучение закономерностей правового регулирования международных частных отношений, вытекающих из системных свойств взаимодействующих национальных правовых систем в целом.

Анализ взаимодействия национальных правовых систем позволяет выявить ряд закономерностей правового регулирования возникающих при этом международных частных отношений.

Первая закономерность заключается в том, что существо опосредуемых связей и отношений в системе внутригосударственных отношений при взаимодействии национальных правовых систем определяет специфику применяемых правовых средств.

Если правовое регулирование направлено на обеспечение взаимодействия двух национальных правовых систем, то эти средства прежде всего должны обеспечить возможность определения при-

---

Движение это направлено как внутрь системы, так и вне ее. Функционируя вовне, определенным образом организованная целостность связей и отношений институализирует себя в качестве системы. В силу этого национальные правовые системы отражают не потому, что это является их объективным свойством, а потому, что, во-первых, отражая, они идентифицируют себя в качестве системы, а во-вторых, объективным свойством любой системы является функционирование, одной из форм которого и выступает отражение. А.А. Рубанов сводит сущность международного взаимодействия национальных правовых систем к их способности ко взаимному отражению. Теоретически это лишь часть всей проблематики, связанной с взаимодействием указанных систем. Причем это именно та часть (отражение), которая, обладая основными признаками и свойствами целого (взаимодействие), все же не отражает сущностные свойства этого целого. А.А. Рубанов ограничился изучением закономерностей правового регулирования социальных отношений, возникающих при отражении национальными системами друг друга. Однако такой подход не может претендовать на теоретическую завершенность и объективность при изучении закономерностей правового регулирования взаимодействия национальных правовых систем.

⁵ См.: *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. С. 255.

менимого права, которое наиболее тесным образом связано с правоотношением, содержащем иностранный элемент. Если же предметом правового регулирования при взаимодействии национальных правовых систем выступает обеспечение устойчивости системы внутригосударственных отношений, то правовые средства должны пресекать любые возмущающие воздействия на эту систему. В зависимости от выполняемой служебной роли определяется и характер правовых средств.

Таким образом, речь идет о системно-структурной закономерности правового регулирования взаимодействия национальных правовых систем, которая объективна не только для области международных частных отношений, но и для международных негосударственных отношений в целом.

В данном аспекте принципиально важным для нас является существо как самих общественных отношений, составляющих систему, так и связей, возникающих в системе в процессе ее функционирования и взаимодействия с другими системами. И если первый подход к исследованию правовых явлений в правовой науке разработан основательно, то второй – раскрывающий устойчивые признаки и свойства связей, возникающих в правовой системе – пока исследован недостаточно. Во многом именно этим обстоятельством обусловлено отсутствие общепризнанной доктрины в отношении природы и сущности таких правовых явлений, относящихся к международному частному праву, как публичный порядок и оговорка о публичном порядке, императивные нормы, обход закона и др.

Вместе с тем, признавая, что в системе внутригосударственных отношений (целое) существует определенная совокупность (часть) специфических связей и отношений, опосредующих жизненно важные потребности и интересы ее ключевого элемента - государства, нарушение которых способно вывести систему из состояния равновесия, объективно необходимо исследовать характер правового опосредования этих связей и отношений.

Первый вывод, который можно сделать, – что эти связи и отношения через ключевой элемент – государство – затрагивают систему в целом. Второй – что они призваны обеспечить устойчивость системы. То есть они отражают только одно ее свойство – устойчивость. Именно этим обстоятельством и обуславливается сам ха-

рактический характер правового регулирования. Для обеспечения устойчивости связей и отношений не обязательно оказывать через них активное влияние на другие связи и отношения в системе. Такой характер правового регулирования присущ другому свойству системы – функционированию. Для обеспечения устойчивости достаточно предотвратить возмущающее воздействие на связи и отношения в системе внутригосударственных отношений. Следовательно, правовое опосредование жизненно важных связей и отношений системы, затрагивающих ее устойчивость, объективно носит пассивный характер. Примером здесь является оговорка о публичном порядке, которая призвана обеспечить целостность и устойчивость системы внутригосударственных отношений при взаимодействии национальных правовых систем.

Так, если иностранным судом будет обращено взыскание на российскую продукцию военного назначения, находящуюся на территории России, то вполне вероятно, что будет отказано в выдаче экзекватуры на основании неприемлемости такого решения для российского публичного порядка. При этом не оспаривается ни выбор применимого права, ни рассмотрение самого дела по существу, т.е. не затрагивается иностранная правовая система. Оговорка о публичном порядке обеспечивает не воздействие на иностранную правовую систему, а устойчивость и связей, и отношений своей национальной правовой системы.

В то же время правовое опосредование другого свойства системы – ее функционирования – должно носить активный, преобразующий характер. Как отмечает Д.А. Керимов, «система только в том случае является системой, если она действует, функционирует, выполняет определенную роль. Функционирует не только система в целом, но и каждый ее элемент. При этом функции элементов детерминированы, производны от функций системы в целом»⁶. Взаимодействуя с другими системами и внутри себя, она институализирует себя в качестве системы и развивается. Соответственно должен быть и набор правовых средств, обеспечивающих указанное свойство системы. Одним из таких средств является коллизионное право. Именно этим свойством системы определяется социальная природа коллизионного права. Правовая же природа оп-

---

⁶ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. С. 231.

ределяется его местом в правовой системе. Оно является вторым посредующим звеном между международным частным отношением и национальной правовой системой, имеющей с ним тесную связь, о чем более подробно будет сказано ниже.

Еще одно правовое средство, которое обеспечивает функционирование системы, – это императивные нормы, имеющие особое значение. Именно они формируют доминирующий тип правового регулирования международных частных отношений в области военно-технического сотрудничества.

Таким образом, применение диалектико-материалистического и системно-структурного методов изучения взаимодействия национальных правовых систем позволяет сделать вывод о наличии закономерности, обуславливающей природу и сущность правового опосредования природой и сущностью, во-первых, общественных отношений; во-вторых, связей, возникающих при обеспечении устойчивости, функционировании и взаимодействии систем внутригосударственных отношений и военно-технического сотрудничества, а также национальной правовой системы.

Перейдем к изучению второй закономерности правового регулирования международных частных отношений, вытекающих из взаимодействия национальных правовых систем, которая заключается в том, что правом, свойственным гражданско-правовому отношению с иностранным элементом, является право, имеющее с этим отношением наиболее тесную связь.

Наукой международного частного права указанная закономерность практически не изучена. В многочисленных исследованиях высказывались лишь отдельные мнения о его природе, сущности и содержании, основанные больше на априорных аргументах, чем на применении адекватной методологии для изучения этого правового явления⁷.

---

⁷ См.: Международное частное право: Учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2000. С. 114-115; Розенберг М.Г. Международное частное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. 2-е изд. М.: Статут, 2000. С. 67; *Розенберг М.Г.* Международная купля-продажа товаров. М.: Юридическая литература, 1995. С. 12; *Комаров А.С.* Правовые вопросы товарообменных сделок. М.: ТЕИС, 1994. С. 173; *Ануфриева Л.П.* Международное частное право. В 3-х т. Том 1. Общая часть: Учебник. М: Бек, 2000. С. 194-195; Международное частное право. Учебник для вузов / Под ред. Н.И. - Марышевой. М.: Контракт, Инфра-М, 2000. С. 64-65; *Ермолаев В.Г., Сиваков - О.В.* Международное частное право. Курс лекций. М.: Былина, 1998. С. 66-67;

Так, Н.Ю. Ерпылева подчеркивает: «Закон, с которым правоотношение наиболее тесно связано, выступает как дополнительная формула прикрепления по сравнению с законом автономии воли и регулирует круг договорных правоотношений»⁸. По мнению М.М. Богуславского и В.П. Звекова, введение для правового регулирования международных частных отношений неоднозначно сформулированных принципов и норм, не содержащих привязку к конкретной национальной правовой системе, приводит к непредсказуемости в определении применимого права⁹.

Данная закономерность обусловлена природой и сущностью регулируемого общественного отношения и объективной необходимостью определения той правовой системы, которая имеет с ним более тесную связь, чем другие. Исходя из международной природы указанного общественного отношения, а также взаимодействия национальных правовых систем как следствия функционирования системы, осуществление иностранного права не может рассматриваться как исключение из правила. Общим правилом здесь должно являться то, что в силу международного характера регулируемого общественного отношения объективно должен состояться выбор применимого права в порядке и на условиях, определенных своей национальной правовой системой.

Теоретически важно ответить на вопрос: каким образом осуществляется правовое регулирование международных частных отношений при взаимодействии систем внутригосударственных отношений и соответственно национальных правовых систем?

Особенность правового регулирования международных частных отношений состоит в том, что оно осуществляется не непосредственно материальными нормами, а опосредованно, т.е. выбор применимого права, являясь коллизионным правоотношением, в то же время входит в фактический состав гражданского правоотношения с иностранным элементом, призванного регулировать международное частное отношение.

Звеков В.П. Международное частное право. Курс лекций. М.: Норма Инфра-М, 1999. С. 123-124; Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии. М.: БЕК, 2001. С. 237-238; *Ерпылева Н.Ю.* Международное частное право. М.: NOTA BENE, 1999. С. 87; Международное частное право: современные проблемы. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1993. С. 149.

⁸ *Ерпылева Н.Ю.* Международное частное право. С. 87

⁹ См.: Международное частное право: современные проблемы / Под ред. М.М. - Богуславского. С. 47; *Звеков В.П.* Международное частное право. С. 123.

Даже беглый взгляд на более чем восьмивековую историю международного частного права показывает, что основные усилия ученых были сосредоточены на поисках принципа разрешения коллизий иностранных законов при регулировании международных частных отношений, основанного на объективности связи правоотношения с иностранным элементом с национальной правовой системой.

Ответ на данный вопрос может быть найден только при применении средств, адекватных предмету правового исследования, т.е. прежде всего системно-правового метода. Исходная методологическая посылка для такого исследования сформулирована А.А. Рубановым: «В условиях отражения каждой правовой системой всех других правовых систем при решении вопроса, какая иностранная система подлежит подключению к механизму регулирования, должен использоваться критерий, сформулированный столь абстрактно, чтобы в принципе он мог указать на любую иностранную правовую систему»¹⁰.

Подходы в поисках объективного критерия для определения применимого права впервые были обозначены Савиньи, метод которого заключался в отыскании для каждого юридического отношения той правовой сферы, к которой это отношение принадлежит по самой своей природе¹¹. Вместе с тем, «формула Савиньи не разрешила вопроса, чем определяется оседлость правоотношения в том, а не другом порядке, и все ее значение состояло только в указании пути, на котором следует искать решения конфликта между разноместными законами»¹².

В российской науке международного частного права такой путь был указан Б.Э. Нольде, который писал: «Всякая коллизийная норма является ответом на вопрос о том, какой из разноместных гражданских материальных законов применяется к данной категории правоотношений, заключающих в себе международные (или междуобластные) элементы; ответ этот дается признанием обязательной силы за тем из этих законов, с которым данная категория правоотношения одним из своих международных (или междуоб-

¹⁰ См.: Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. С. 99.

¹¹ См.: Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. 1900. т. 1. С. 158.

¹² Брун М.И. Введение в международное частное право. Петроград, 1915. С. 24.

ластных) элементов, по мнению данной коллизионной системы, всего теснее связана»¹³.

Указав путь – «принцип тесной связи правоотношения с правом», Б.Э. Нольде не развил свою теорию для объяснения, на чем основывается тесная связь. Свое слово в науке по этому вопросу сказал М.И. Брун, который считал, что «выбор между разноместными законами материального права в случае их коллизии предполагает не только оценку содержания этих законов (их социальной цели), но и испытание крепости привязок. Содержание законов материального права оценивается для того, чтобы конфликтный законодатель мог сказать, может ли он допустить действие иностранного закона, буде образовалась какая-либо из четырех привязок правоотношения с иностранным элементом к его материальному законодательству; для начертания самой конфликтной нормы необходима дальнейшая оценка, – к какому из двух законодательств правоотношение тянется сильнее»¹⁴. Вместе с тем, в основании выбора того или иного вида коллизионных привязок лежит характер материальных норм, регулирующих правоотношение с иностранным элементом. Но в определенной мере эти правовые нормы являются субъективным выражением объективной потребности в регулировании конкретных общественных отношений порядком, прямо установленным этими нормами. В основании юридической силы привязки должно лежать не содержание материальной нормы, а характер и природа регулируемого этой нормой общественного отношения. Применение указанной нормы возможно в результате анализа, насколько в ней и каким образом реализуется государственный интерес.

Поиск позитивных форм связей между правовой системой и правоотношением с иностранным элементом был продолжен советскими учеными. Советская доктрина международного частного права исходила из применения классических «жестких» коллизионных привязок. А.А. Рубанов попытался дать им научное обоснование: «Теоретическое достоинство этой категории норм состоит в том, что в основе употребляемых ими понятий лежат объективно существующие характеристики регулируемых социальных

¹³ Нольде Б.Э. Очерк международного частного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1909. С. 470.

¹⁴ Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве. Петроград: Сенатская типография, 1916. С. 56.

отношений. Конечно, эти характеристики отражаются в правовой норме в опосредованном виде, причем в некоторых правовых системах такое опосредование довольно сложно, а частично имеет искусственный характер... Тем не менее такая связь все же существует и может быть прослежена, хотя бы и в искаженном виде. Поэтому, не преувеличивая четкости решения вопроса об определении иностранной правовой системы, которая может быть достигнута с помощью использования таких понятий, следует все же признать, что нормы этого рода предпочтительнее предположения «отыскивать право, с которым данное отношение имеет наиболее тесную связь»¹⁵. Однако ученый не замечает, что те или иные коллизионные принципы как раз и отражают принцип наиболее тесной связи правоотношения с иностранным элементом с конкретной правовой системой, с точки зрения этой правовой системы. Каждый коллизионный принцип по своей сути и является юридической формой этой связи. Многие из них были выработаны в результате многовекового взаимодействия национальных правовых систем и поисков юристами наиболее объективных связей международного частного отношения с конкретной правовой системой. Некоторые принципы очевидны и предопределены объектами правового регулирования. Например, если рассматривать отношения, связанные с оборотом вещей, то наиболее объективной будет их связь с той правовой системой, которая действует в месте нахождения вещи. Весьма трудно представить, что такая связь будет существовать между вещью, находящейся в Англии, и правовой системой Франции. Эта объективная связь и отражена в *lex rei sitae*.

Такой четкости и конкретности связи мы не видим при определении применимого права в отношениях, связанных с лицами. Личный закон может определяться либо *lex domicilii*, либо *lex patriae*. В отношениях, связанных с юридическими лицами, вариантов еще больше. В этом случае мы имеем как раз пример, когда связь такого элемента общественного отношения, как его субъект, с правовой системой не столь очевидна, вследствие чего не существует единого выработанного принципа, отражающего существование такой связи.

---

¹⁵ Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. С. 100.

Еще более разнообразна картина в отношении обязательственного статута. Эволюция доктрины международного частного права претерпела значительные изменения в поисках наиболее оптимального критерия. Международному частному праву знакомы такие коллизионные привязки экономических отношений и основанных на них обязательственных правоотношений, как *lex loci contractus* и *lex loci solutionis*. Еще недавно связь внешнеэкономического общественного отношения с конкретной правовой системой была опосредована в советском праве законом места заключения сделки. Но судебная практика и развитие доктрины подсказали, что данный принцип не отражает объективную связь между международным частным отношением и правовой системой. В результате мы получили диверсифицированную систему принципов (презумпций), отражающих принцип применения права, тесно связанного с правоотношением (статьи 1210-1211 ГК РФ).

Последующее развитие российской доктрины показало безосновательность отказа от гибких коллизионных привязок, существование которых предопределено глобализацией мирохозяйственных отношений и интеграционными процессами в мировой экономике. Именно на эту тенденцию в развитии международного частного права обращают внимание А.И. Муранов и А.Н. Жильцов¹⁶.

Следует отметить, что существование принципа «тесной связи» для разрешения коллизий законов в международном частном праве имеет теоретические обоснование.

Указанный принцип отражает системный характер международного взаимодействия национальных правовых систем. Как уже было отмечено, национальная правовая система, будучи надстройкой системы внутригосударственных отношений, опосредует не только связи и отношения внутри системы, но и вовне, при взаимодействии самой системы и составляющих ее элементов с другими системами. При этом правовыми средствами обеспечиваются как целостность системы, так и ее функционирование. Правовая надстройка должна обеспечить как взаимодействие системы внутригосударственных отношений (тем самым объективно пред-

---

¹⁶ Жильцов А.Н., Муранов А.И. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право: Иностранное законодательство. М.: Статут, 2001. С. 39-40.

полагая, что при правовом опосредовании общественных отношений, в которых присутствует иностранный элемент, возможна его связь не с национальной, а иностранной правовой системой), так и целостность системы. Возникающие при этом связи не должны произвести возмущающее воздействие на систему внутригосударственных отношений, которое может произойти, если разорвать объективно существующую связь международного частного отношения и правоотношения с иностранным элементом с национальной правовой системой.

Таким образом, исключительный характер должно носить исключение применения и осуществления иностранного права. Именно исключению из общего правила служит ряд правовых институтов в любой национальной правовой системе, как, например, оговорка о публичном порядке, императивные нормы, имеющие особое значение, обход закона. С этой точки зрения принцип отыскания права, с которым данное правоотношение наиболее тесно связано, является объективной закономерностью взаимодействия различных национальных правовых систем.

Именно потому, что принцип тесной связи отражает закономерности функционирования (взаимодействия) систем внутригосударственных отношений и правового опосредования взаимодействия национальных правовых систем, исследуя эволюцию международного частного права, можно говорить о противоречии между содержанием такого правового опосредования, т.е. тесной связи применимого права с существом регулируемых отношений и правовой формой такого опосредования, т.е. использованием традиционных жестких коллизионных привязок, отличающихся однозначностью и определенностью. Указанное противоречие было отмечено А.Н. Жильцовым и А.И. Мурановым, которые пишут: «...на современном этапе развития международного частного права одним из основных противоречий в нем является напряженность между стремлением к правовой определенности, предсказуемости регулирования и потребности в гибком регулировании»¹⁷.

Теоретически важен вопрос о содержании принципа тесной связи. Речь идет о том, что указанный принцип выступает лишь юри-

¹⁷ Жильцов А.Н., Муранов А.И. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право: Иностранное законодательство. С. 44.

дической формой объективно существующей связи международного частного отношения, гражданско-правового отношения с иностранным элементом и национальной правовой системой. Однако любая форма содержательна. И это содержание далеко не однозначно в правовых системах и доктринах различных государств. Так, Е.В. Кабатова отмечает: «Если сравнивать структуру обычной коллизионной нормы с привязкой «тесная связь», то мы вынуждены будем признать, что «тесная связь» очень мало на нее похожа. Коллизионная норма, вернее привязка коллизионной нормы, всегда указывает на конкретную правовую систему, подлежащую применению»¹⁸.

В английской доктрине принцип тесной связи выражен в двух теориях: теории намерения и теории локализации. Теория намерения означает, что правом, свойственным договору, является право, применение которого входило в намерение сторон. Доктрина локализации исходит из того, что таковым является право, в котором в большей степени группируются элементы договора. Различие между этими двумя теориями является различием между субъективностью и объективностью¹⁹.

Германская доктрина исходит из того, что правом, свойственным договору, является право, выбранное сторонами. Возможен также молчаливый выбор, когда применимое право определяется из норм договора или обстоятельств дела по таким признакам, как выбранная валюта, язык, место заключения договора, по юрисдикции суда или арбитража. В целом германская доктрина основана на определении права страны, которое имеет объективную и наиболее тесную связь с договором. В случае если выбор применимого права не был сделан сторонами, применяется право, обеспечивающее исполнение договора, наиболее характерное для его сути (ст. 28 Вводного закона ГГУ)²⁰.

Закономерность правового регулирования, заключающаяся в том, что правом, свойственным гражданско-правовому отноше-

---

¹⁸ Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионных норм в международном частном праве // Международное частное право: современная практика / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. М.: ТОН – Остожье, 2001. С. 9.

¹⁹ См.: Чешир Д., Норт П. Международное частное право. М. Прогресс, 1982. С. 246-247.

²⁰ Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М.: Международные отношения, 2001. С. 141-145.

нию с иностранным элементом, является право, имеющее с ним наиболее тесную связь, институализирована в правовой системе в виде принципа тесной связи. Указанный принцип имеет не только, и даже не столько коллизионный характер в чистом виде, т.е. обуславливает применение соответствующей коллизионной нормы. В правовой действительности он имеет фундаментальное значение для регулирования международных частных отношений в целом, определяя соотношение коллизионного и материального регулирования в этой сфере. Оба указанных метода являются проявлениями указанной закономерности, так как опосредованное (коллизионное) либо прямое (материальное) регулирование является проявлением сущностных свойств принципа тесной связи. Определенные свойства международного частного отношения, обусловленные материальным содержанием и волевым опосредованием, предопределяют характер и существо воздействия на них национальной правовой системы для достижения результата, адекватного национальным интересам. Именно этим определяется значение указанной закономерности и для регулирования военно-технического сотрудничества, характеризующегося доминированием государственного интереса. Государственный интерес предопределяет необходимость установления прямых устойчивых связей между гражданско-правовым отношением с иностранным элементом и российской правовой системой, проявляющейся в непосредственном регулировании наиболее существенных аспектов этих отношений. Императивными материальными нормами законодательства о военно-техническом сотрудничестве прямо регулируются субъектный и объектный составы указанных правоотношений, а также некоторые субъективные права и обязанности при совершении сделок и исполнении обязательств по ним.

Вместе с тем, даже в области военно-технического сотрудничества государственный интерес не является настолько абсолютным, чтобы исключать применение к иностранным элементам правоотношений иностранных правовых систем. В этом нет объективной необходимости. Именно поэтому отдельные аспекты обязательственных правоотношений в отношении продукции военного назначения не требуют для их регулирования применения исключительно российского права, и соответственно объективно тесной связью для них является не односторонняя связь с материальными

нормами российского права, а диверсифицированная потенциальная связь с множеством национальных правовых систем, имеющая коллизионный характер.

В правовой литературе указывается на коллизионную природу принципа тесной связи. Так, В.П. Звеков подчеркивает: «Следует заметить, что значение «гибкой» коллизионной нормы, отсылающей к праву страны, с которым отношение наиболее тесно связано, переросло рамки «рядового» коллизионного правила». И далее: «Указанный принцип приобрел «статус» одного из основных коллизионных начал»²¹.

Однако проведенное выше исследование принципа тесной связи позволяет сделать вывод, что он имеет не столько коллизионную природу, т.е. локализованную исключительно рамками коллизионного права, сколько международно-частноправовую природу, отражая сущность и природу международного частного права в целом. Указанный принцип стоит над коллизионным и материальными методами правового регулирования международных частных отношений, отражающими только отдельные стороны правового регулирования в этой области.

Таким образом, принцип тесной связи является общим принципом международного частного права, определяющим основополагающие начала в правовом регулировании международных частных отношений. В то же время коллизионный и материально-правовой методы являются частными принципами международного частного права, применимость которых обусловлена действием принципа тесной связи (особенно наглядно это проявляется в действии императивных норм, имеющих особое значение). Необходимо подчеркнуть, что изменение позитивного правового регулирования международных частных отношений в настоящее время и выдвижение на первое место принципа тесной связи является результатом процессов глобализации, происходящих в мировом обществе, и прежде всего интернационализации социально-экономических отношений между государствами.

Перейдем к третьей закономерности правового регулирования международных частных отношений, возникающих при взаимодействии систем внутригосударственных отношений, и соответственно национальных правовых систем. Она заключается в сле-

---

²¹ Звеков В.П. Международное частное право. С. 124.

дующем: в областях социальной действительности, где доминирующим является не государственный интерес, а баланс интересов личности, общества и государства, правовое регулирование международных частных отношений осуществляется не непосредственно, а опосредованно.

Если первая закономерность имеет системно-структурную природу, характер правовых средств зависит от существа связей и отношений в структуре системы, то третья закономерность имеет системно-функциональную природу.

Для теоретического обоснования данной закономерности необходимо иметь в виду, что функциональные связи между компонентами исследуемых систем детерминированы самой системой, что на взаимодействии этих компонентов лежит печать той системы, в состав которой они входят, что функциональное взаимодействие этих компонентов подчинено единой цели, заданной данной системой²².

Существуют два способа правового регулирования связей и отношений в системе при ее функционировании: непосредственное и опосредованное.

Правовое регулирование связей и отношений в рамках системы внутригосударственных отношений происходит непосредственно, если не считать посредующего звена между общественным отношением и правовой нормой, которым является правоотношение²³.

При взаимодействии систем внутригосударственных отношений правовое регулирование таких отношений имеет весьма существенную особенность. Она связана с тем, что в системе внутригосударственных отношений существует особая совокупность общественных отношений и связей, посредством которых системы связаны с другими системами внутригосударственных отношений – международные частные отношения. Правовое опосредование объективно должно быть направлено на обеспечение такого взаимодействия и содержать соответствующие средства. Вместе с тем, в силу того, что указанные отношения имеют межсистемный характер, но строго определенную привязку к системе внутригосударствен-

---

²² См.: Керимов Д.А. Философские оснований политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. С. 224.

²³ См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Ленинградский университет, 1959. С. 30.

ных отношений, их правовое опосредование также имеет привязку к ее надстройке, т.е. к национальной правовой системе.

При международном взаимодействии систем внутригосударственных отношений и соответственно их национальных правовых систем нередко возникает проблема определения привязки того или иного правоотношения к указанным системам. Любая правовая система не исходит априори из их принадлежности к себе и, соответственно, регулирования этих отношений средствами своей правовой системы. Такой подход означал бы, что из него же могла исходить и иностранная правовая система. Именно эти обстоятельства явились теоретической основой определения закономерностей правового регулирования отношений, возникающих при взаимном отражении национальных правовых систем, обоснованных А.А. Рубановым, к которым относятся следующие: 1) правовая система одной страны при регулировании общественных отношений исходит из существования правовых систем других стран²⁴; 2) правовая система каждой страны при регулировании общественных отношений исходит из того, что в мире существуют комплексы социальных отношений, регламентируемые правовыми системами других стран²⁵; 3) правовая система одной страны при регламентации общественных отношений исходит из того, что правовым системам других стран присуща способность регулировать особую группу социальных отношений, а именно отношения, обладающие иностранными характеристиками²⁶.

Отрицание объективности национальных правовых систем и привязанности к ним международных частных отношений противоречило бы диалектико-материалистической обусловленности процессов и явлений в реальной действительности, а также не обеспечивало бы функционирование системы как одного из ее основных свойств, т.е. противоречило бы их системной обусловленности.

Национальная правовая система объективно должна использовать комплекс правовых средств, позволяющих определить привязанность правоотношения с иностранным элементом к той или

---

²⁴ Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М.: Наука, 1984. С. 20.

²⁵ Там же. С. 31.

²⁶ Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. С. 36.

иной правовой системе. «Внедрение иностранного элемента в правоотношение, – как отмечает Б.И. Кольцов, – должно получить оценку с точки зрения значения для данного государства связи иностранного элемента с его системой, что предполагает появление возможности применения иностранного права, стоящего за этим иностранным элементом. Возникающее таким образом противоречие уже между правовыми системами также разрешается данным государством, при этом результатом этого разрешения может быть как применяемое местное, так и иностранное право»²⁷. В области международных частных отношений нормативным комплексом таких средств является коллизионное право, которое, будучи связанным с конкретной национальной правовой системой, выступает посредующим звеном между ней и общественным отношением с иностранным элементом. Коллизионные нормы, считает М.М. Богуславский, «не могут рассматриваться только как абстрактные, алгебраические формулы, без выяснения породивших их причин, коренившихся как в различных других элементах надстройки, так и, в конечном счете, в материальных условиях жизни общества»²⁸.

Таким образом, правовое регулирование общественных отношений, в которых один элемент связан с иностранной системой внутригосударственных отношений, осуществляется не непосредственно, а опосредованно, через коллизионное право, которое выступает подсистемой национальной правовой системы, выполняющей служебную функцию по правовому опосредованию международных частных отношений²⁹. Следовательно, опосредованное правовое регулирование международных частных отношений обусловлено межсистемным характером этих отношений и привязанностью к конкретной национальной правовой системе средств их правового регулирования. Как отмечает Д.А. Керимов, «...целое воздействует на внешнюю среду не только прямо или через свои части, но и косвенно, путем воздействия на другие целостные

---

²⁷ Кольцов Б.И. Дialeктика противоречия в международном частном праве // Актуальные проблемы современного международного права. Сборник научных трудов МГИМО. Вып. VI. М.: МГИМО, 1976. С. 160-161.

²⁸ Международное частное право: современные проблемы. В 2 книгах. Кн. 1. М.: Наука, 1993. С. 5.

²⁹ См.: *Madl F., Vikas P.* The law of conflicts and foreign trade. Bp., 1987. P. 20-21; *Raape L., Sturm F.* International Privatrecht. 1977. Bd 1. S. 5.

системы или их элементы... При этом такое опосредованное воздействие нередко имеет ряд «этажей»... Здесь, как и во многих иных случаях, обнаруживается общая закономерность: подобно тому, как базисные отношения определяют прямо или опосредованно, через промежуточные звенья все надстроечные явления, так и обратное воздействие последних на базисные отношения реализуется не только прямо, но и опосредованно, через другие надстроечные явления»³⁰.

Отдельно необходимо остановиться на теоретических аспектах социальной и юридической природы коллизионного права.

Коллизионное право как социальное явление относится к надстройке системы внутригосударственных отношений. Его специфика заключается в той социальной функции, которую она выполняет как особый элемент правовой надстройки. Его главное предназначение состоит не в обслуживании непосредственно международных частных отношений, а в правовом опосредовании надстроечных отношений над международными частными отношениями, а именно правоотношений с иностранным элементом. Если рассматривать правоотношение как посредующее звено между общественными отношениями и правовой нормой³¹, то коллизионные нормы опосредуют не международные частные отношения, а посредующее между ними и правовой нормой звено – правоотношения с иностранным элементом. Как подчеркивает М.И. Брун, «Каждая коллизионная норма без сомнения, приводится в движение только при наличии частнопровового отношения, но охраняет она не специальные интересы субъектов этого отношения, а территориальные и личные пределы действия законов гражданского оборота»³². Возникающее при этом коллизионное правоотношение является вторым посредующим звеном между международным частным отношением и материальной нормой, применимой национально-правовой системой. В этом состоит его юридическая природа.

Необходимо ответить на один принципиальный вопрос: в чем заключается сущность коллизионного метода правового регули-

³⁰ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. С. 226.

³¹ См.: Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 31.

³² Брун М.И. Введение в международное частное право. Петроград: Тип. В.О. - Киришбаума, 1915. С. 77.

рования как специфичного метода международного частного права? Коллизионный метод направлен на правовое регулирование не общественных отношений, а надстроечных правовых отношений с иностранным элементом, основанных на международных частных отношениях. Сущность коллизионного метода заключается не в том, чтобы правовыми средствами непосредственно урегулировать специфичное общественное отношение, а в том, чтобы отыскать объективно существующую связь между правоотношением с иностранным элементом и национальной правовой системой, связать их друг с другом и только таким опосредованным способом, используя объективно применимое материальное право, урегулировать международное частное отношение. В этой связи В. Корецкий подчеркивает, что «участие коллизионной нормы в регулировании бесспорно, ибо она – неразрывное звено правового воздействия»³³.

Взаимодействие системы как ее имманентное свойство должно осуществляться на основе средств и методов, обеспечивающих, с одной стороны, соответствие структуре системы внутригосударственных отношений, т.е. той совокупности (целостности) связей внутригосударственной системы, которая и институализирует ее в качестве системы, с другой стороны, конкретно-историческому состоянию системы, проявляющемуся в ее вариантной структуре. При этом следует исходить из того, что отражение иностранного права характеризуется тем, что на обеих сторонах находятся надстроечные категории. В конечном итоге речь идет о том, чтобы совокупность применимых средств правового регулирования при взаимодействии национальных правовых систем соответствовала закону динамического равновесия системы.

Специфика коллизионных правоотношений в том и состоит, что они как раз направлены на обеспечение взаимодействия различных систем внутригосударственных отношений в целях обеспечения их функционирования. Взаимодействие систем осуществляется на уровне подсистемы международных частных отношений через посредство коллизионных правоотношений. Системные качества коллизионных правоотношений направлены именно на обеспечение такого взаимодействия. Другое дело, что исходя

---

³³ Корецкий В. Международное хозяйственное право: (Ориентировка в понятии) / Вестник советской юстиции. 1928. № 22. С. 665.

из специфики предмета правового регулирования, т.е. конкретных международных частных отношений, содержание коллизионного правоотношения может быть различным, но это содержание определяется уже не системными качествами коллизионного права, а его системно-функциональными особенностями.

В основе системно-функциональных свойств коллизионных правоотношений лежат свойства материальных правоотношений, которые в свою очередь определяются характером лежащих в их основе международных частных отношений. Эти свойства не затрагивают системно-структурных свойств указанных отношений. Они лишь отражают специфику предмета правового регулирования не как системного явления, а как самостоятельного явления объективной действительности. В силу специфических свойств некоторых объектов социальной действительности, в их правовом опосредовании применяется коллизионный метод, отсылающий к использованию своей национально-правовой системы. Классический пример – односторонняя привязка к российскому праву формы внешнеэкономической сделки.

Такая отсылка к *lex fori* может сложиться в силу различных причин объективного и субъективного характера. Это может быть связано и с конкретными установками различных социальных сил в государстве, интересами самой системы, определяемыми удобством использования такого метода коллизионного регулирования, в силу особенностей развития доктрины, обосновывающей именно такой способ взаимодействия и т.д. Но эти отношения объективно направлены на взаимодействие. Именно поэтому исходя из особенностей коллизионного права, коллизионных правоотношений невозможно конструировать на их основе исключение взаимодействия различных систем внутригосударственных отношений, так как их природа направлена как раз на обеспечение такого взаимодействия. Через посредство коллизионного права обеспечивается устойчивость системы внутригосударственных отношений, определяющей рамки и пределы воздействия на международные частные отношения иностранной национально-правовой системы.

Применительно к предмету настоящей статьи необходимо подчеркнуть, что в области военно-технического сотрудничества не существует специальных коллизионных норм, определяющих

регулирование международных частных отношений в этой сфере. Анализ коллизионного права показывает, что даже в специфич- ных областях социальной действительности, в которых домини- руют государственные интересы, действует единая система колли- зионных привязок, обеспечивающая соблюдение и реализацию указанных интересов. Так, применимость российского права обез- печивается по вопросам оборотоспособности продукции военно- го назначения законом места нахождения вещи (*lex rei sitae*), а воз- можность быть субъектом внешнеторговых сделок в отношении продукции военного назначения, как российских, так и иностран- ных лиц – личным законом юридического лица (*lex societatis*). То есть указанные вопросы регулируются общими императивными коллизионными нормами, отсылающими к правовым системам, имеющим тесную связь с существом правоотношения, в том числе и к российскому праву.

Другие аспекты внешнеторговых сделок в области военно-тех- нического сотрудничества, касающиеся обязательственных право- отношений, вообще не стали предметом исключительного госу- дарственного интереса и соответственно регулируются диспози- тивными коллизионными нормами. К ним относятся: 1) порядок заключения внешнеторговой сделки в отношении продукции во- енного назначения; 2) права и обязательства сторон, вытекающие непосредственно из внешнеторговой сделки в отношении ее пред- мета; 3) переход риска; 4) средства правовой защиты в случае на- рушения внешнеторгового договора³⁴; 5) заключение договоров с российскими разработчиками и производителями продукции во- енного назначения для исполнения контрактных обязательств; 6) выбор правопорядка, которому они намерены подчинить права и обязанности по внешнеторговой сделке в отношении продукции военного назначения. Указанные аспекты регулируются на основе унифицированных норм международного частного права (Венс- кой конвенции о международной купле-продаже товаров 1980 г.), либо права, выбранного сторонами (*lex voluntatis*), либо, если та- кой выбор не состоялся, правом страны продавца (*lex venditoris*).

---

³⁴ Правоотношения, указанные в пп. 1-4, регулируются Венской конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. либо иными нормами российского или иностранного материального права, применимыми в соответ- ствии с нормами международного частного права.

В науке международного частного права начинает проявляться тенденция научного обоснования тупиковости коллизийного метода правового регулирования. Так, Е.В. Кабатова пишет: «Необходимо отметить, что процесс сравнения материально-правовых норм для отыскания единственно необходимой не новый для МЧП, однако, если раньше он использовался как исключение, то в настоящее время применяется весьма широко. Такая динамика развития позволяет предположить, что в дальнейшем этот процесс будет развиваться и в отдаленном будущем может вообще вытеснить классический коллизийный метод»³⁵.

Однако говорить о тупиковости коллизийного регулирования теоретически необоснованно. Право регулирует общественные отношения, которые в свою очередь представляют материальное содержание и волевое опосредование. Воля людей определяется материальными и социальными потребностями, присущими исторически конкретному типу социально-экономического развития общества. Будучи осознанными индивидами и преломленными через их сознание, а также объективированными в массовом сознании социальных групп в объективной реальности, они выступают как индивидуальные интересы людей и общие интересы государства и общества. В силу весьма существенных различий объективной реальности, в которой находятся люди, общества и государства, объективно невозможна полная унификация потребностей и интересов в планетарном масштабе. Более того, процесс глобализации предполагает именно не унификацию и слияние потребностей и интересов, а осознание общности интересов как международного, так и мирового сообщества. Не противопоставление интересов личности интересам общества и государства, национальных интересов интересам интернациональным, а их согласование путем взаимоприемлемого баланса. Таким образом, можно сделать вывод, что в объективной реальности всегда будут существовать общественные отношения, опосредующие интересы личности и государства, отличные от интересов других личностей и государств, но в то же время максимально согласованные с интересами международного и мирового сообществ. Это различие обус-

---

³⁵ Кабатова Е.В. Изменение роли коллизийных норм в международном частном праве // Международное частное право: современная практика / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланава. – М.: ТОН –Остожье, 2001. С. 6-7.

ловлено материальными, социальными, культурными, историческими и психологическими условиями жизни людей, обществ и государств. Именно этим объективным фактором обусловлено различие в правовом опосредовании этих общественных отношений и соответственно возможность возникновения коллизий между правовыми системами, обслуживающими различные общества. Особенно это заметно в брачно-семейных и наследственных отношениях, в которых весьма сильны именно исторические и культурные корни. Весьма трудно предположить в обозримом будущем, что в странах западной культуры признают полигамные браки, а в странах восточной культуры откажутся от полигамных. Именно это обстоятельство создает объективную основу для существования коллизионного метода регулирования.

Третья закономерность имеет ограниченную сферу применения. Она действует только в области правового регулирования международных частных отношений в рамках подсистемы международного частного права национальной правовой системы. Если мы возьмем сферу общественных отношений, имеющих публичный характер, то наличие в них иностранного элемента в целом не обуславливают их опосредованное правовое регулирование. Публичные интересы, входящие в содержание волевого опосредования, которые в свою очередь являются элементами общественных отношений, предопределяют необходимость их прямого правового регулирования. Особенно это характерно для уголовных, государственных (конституционных) и процессуальных правоотношений.

В то же время в сфере административно-правовых отношений, связанных с внешнеторговым и валютным законодательством, все заметнее становится тенденция отказа от прямого (непосредственного) правового регулирования. Особенно заметна такая тенденция в швейцарском законодательстве, которое нормативно закрепило возможность опосредованного регулирования публичных правоотношений с иностранным элементом³⁶. Швейцарская доктрина исходит из того, что пока иностранная норма обслуживает

---

³⁶ См.: Жильцов А.Н., Муранов А.И. Национальные кодификации в современном международном частном праве. Тенденции и противоречия в его развитии на пороге третьего тысячелетия // Международное частное право: Иностранное законодательство. – М.: Статут, 2000. С. 36; статьи 13 и 19 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве (1987 г.).

прежде всего частные интересы, суд не может отказаться от ее применения только потому, что она принадлежит иностранному публичному праву³⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что закономерность, обуславливающая опосредованное (коллизийное) регулирование гражданско-правовых отношений с иностранными элементами в областях, где отсутствует доминирование государственного интереса, институализирована в принцип опосредованного (коллизийного регулирования) международных частных отношений. В основе принципа коллизийного регулирования лежит общий принцип тесной связи международного частного права. Принцип тесной связи обуславливает опосредованное (коллизийное), а не прямое (непосредственное) регулирование международных частных отношений, в которых доминирующим является не приоритет государственных интересов, а баланс интересов личности, общества и государства. Принцип коллизийного регулирования является частным принципом международного частного права.

В то же время в областях международных частных отношений, в которых доминирует приоритет государственных интересов, системная зависимость правового опосредования от существа регулируемых общественных отношений имеет другую природу и свойства, основанные на иной закономерности, чем коллизийное регулирование таких общественных отношений.

Указанная закономерность заключается в следующем: международные частные отношения, имеющие особое значение для государства, т.е. в которых реализуется исключительный государственный интерес и законодательно установлен приоритет интересов государства в вопросе о соотношении интересов личности, общества и государства, регулируются не опосредованно, т.е. коллизийными нормами, а непосредственно – императивными материальными нормами национального права³⁸.

Пятая закономерность регулирования международных частных отношений предполагает необходимость гармонизации и унифи-

---

³⁷ *Sarcevic P., Burckhardt T. Conflict of Laws and Public Law: The Swiss Approach. Swiss Reports Presented at the XIIth International Congress of Comparative Law. – Z, 1987. P. 141.*

³⁸ Указанная закономерность будет рассмотрена более подробно в отдельной статье в №1 за 2003 г.

кации правового регулирования международных частных отношений, что является следствием глобализации социально-экономических отношений в рамках мирового сообщества³⁹.

Данная закономерность обусловлена не только взаимодействием национальных правовых систем, но и взаимодействием, мирового сообщества, международной системы и национальных правовых систем. Как отмечает И.И. Лукашук, «глобализация – объективная закономерность, и воспрепятствовать ее развитию не в состоянии никакие силы»⁴⁰. Процессы глобализации охватывают как межгосударственные отношения, т.е. международное сообщество, так и системы внутригосударственных отношений⁴¹. Она «... затрагивает все аспекты социально-экономической жизни практически всех стран мира и ... этот процесс объективен и необратим»⁴². Государства пришли к пониманию того, что установление единых правил регулирования поведения субъектов различных правовых систем способствует повышению эффективности их взаимоотношений, снятию барьеров и препятствий на пути осуществления ими своих субъективных прав и обязанностей, что в целом отражает глобализационные процессы⁴³. Именно в силу этих обстоятельств объективным процессом глобализации является уста-

---

³⁹ По проблеме унификации см.: *Маковский А.Л.* Международные конвенции об унификации морского права и внутригосударственного права // *Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию*. – М., 1980. Вып. 21.; *Маковский А.Л.* Природа норм конвенций об унификации морского права // *Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию*. – М., 1979. Вып. 18; *Маковский А.Л.* Вопросы теории международно-договорной унификации права и состав международного частного права // *Материалы секции права ТПП СССР*. – М., Вып. 34; *Егоров К.Ф.* Соотношение прямых норм международного частного и гражданского права в пределах внутригосударственного права // *Тр. ЦНИИ мор. флота. Морское право*. – Л., 1972. Вып. 155; *Коровина О.П.* Природа единообразных норм международных конвенций // *Изв. вузов. Правоведение*. 1983. № 1; *Дорошина Н.Г.* Унификация и гармонизация права в условиях экономической интеграции // *Право и экономика*. 1997. № 17-18.

⁴⁰ *Лукашук И.И.* Глобализация и государство // *Журнал российского права*. 2001. № 4. С. 64.

⁴¹ См.: *Ильин М.В.* Глобализация политики и эволюция политических систем // *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 214:

⁴² См.: *Рожков К., Рыбалкин В.* Глобализация как вызов национальной экономике // *Международная жизнь*. 2001. № 1. С. 72:

⁴³ См.: *Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // *Полис*, 1999. №5. С. 84.

новление единых (унифицированных) материально-правовых норм, регулирующих поведение субъектов международных частных отношений. Таким образом, унификация и гармонизация – это, во-первых, отражение процессов интернационализации в рамках процесса глобализации, во-вторых, данный процесс протекает в рамках международного сообщества и затем трансформируется в национальных правовых системах. В целом данный процесс отражает взаимосвязанность и взаимообусловленность процессов, протекающих в мировом сообществе⁴⁴.

Диалектико-материалистическая обусловленность права социально-экономическими отношениями общества является теоретической основой для вывода о том, что несмотря на процессы глобализации и соответствующий им процесс материально-правовой унификации остаются весьма существенные различия в сущности и содержании правового опосредования возникающих международных частных отношений. Формы правового опосредования могут быть близки, например оговорка о публичном порядке, императивные нормы, обход закона или личный закон юридического лица, но содержание этих правовых явлений различно.

Кроме того, необходимо исходить из того, что право регулирует общественные отношения, которые представляют собой единство материального содержания и волевого опосредования. В волевом опосредовании находят отражение потребности и интересы участников этих отношений. Весьма непросто предположить, что существующие потребности индивидов конкретного общества, будучи преломленными через их сознание, в реальности будут выступать не как индивидуальные интересы, а как интересы социальные⁴⁵. Тенденция, конечно, идет именно в этом направлении, так как глобализация социально-экономической жизни – объективный процесс, но это процесс, происходящий в материальной жизни общества. Глобализация сознания индивидов, политических деятелей и социальных групп куда более сложный процесс. Объективно она отстает от процесса глобализации социально-эко-

---

⁴⁴ См.: *Авдокушин Е.Ф.* Международные экономические отношения. М.: Маркетинг, 2000. С. 14-16; *Покровский Н.Е.* Конвергенция, глобализация и конфликт // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 252-253.

⁴⁵ См.: *Иноземцев В.* Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль – XXI. 2000. № 1. С. 31-33.

номической сферы, и именно в силу этого в международных частных отношениях на современном этапе можно отметить две ярко выраженные тенденции: во-первых, преобладание национальных интересов над интернациональными, во вторых, индивидуальных над социальными⁴⁶. «В наиболее общем смысле, – пишет А.В. Левашова, – глобализация включает в себя сжатие мира в целом и быстрый рост осознания этого. Глобальное развитие складывается из двух основных тенденций: с одной стороны, рационализации и унификации форм экономического и общественного прогресса, а с другой – естественного стремления различных западных типов социокультурной организации к самосохранению, а ради этого зачастую и к обособлению»⁴⁷. Как правильно отмечает И.И. Лукашук⁴⁸, следует различать области, созревшие для глобальной гармонизации, и те, в которых гармонизация реальна лишь на региональном уровне, прежде всего это касается межгосударственных отношений, направленных на регулирование прав человека и международную безопасность, право международных договоров. И это объективно, так как эти отношения прежде всего затрагивают именно глобальные проблемы. Вернее сказать, явнее всего.

Международные частные отношения затрагивают их не столь явно, но связь существует самая прямая. Имущественные, семейные и трудовые отношения напрямую связаны с такими глобальными проблемами человечества, как проблема народонаселения. Осознание глобальности этой проблемы, а соответственно и необходимости глобального международно-правового регулирования – эволюционный, долговременный процесс, который займет значительно больше времени, чем аналогичный процесс занял в области международных публично-правовых отношений. И это объективно. Процесс ускорения международно-правовой унификации в области прав человека был обусловлен двумя мировыми войнами, в области международной безопасности – холодной войной, когда угроза выживанию человечества стала весьма реальной, эко-

⁴⁶ См.: *Menshikov S. Indicators and trends of economic globalisation.* – В.: Paper Presented at the Gorbachev Foundation of North America Roundtable on the Global Economy, 1997. 15-16 December. P. 17-20.

⁴⁷ *Левашова А.В.* Современная международная система: глобализация или вестернизация // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 254.

⁴⁸ *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. С. 41.

логические проблемы обусловлен научно-технической революцией и загрязнением окружающей среды. Проблемы же народонаселения не столь явны, в силу чего не осознаны всем человечеством. То, что они осознаны отдельными политическими деятелями и учеными, не стало достоянием массового сознания. Это с одной стороны. С другой, весьма существенны различия между отдельными странами и регионами. И различны аспекты этой проблемы. Например, для одних государств весьма актуален демографический аспект этой проблемы. Для других – продовольственный. Возможность обеспечить себя продовольствием – и отсутствие такой возможности. В силу этого потребности различных государств, а значит и проживающих в них людей весьма различны. Им соответствуют и интересы. В реальной действительности весьма трудно представить, что могут существовать унифицированные международные частные отношения, в которых волевое опосредование выражено через унифицированные интересы всех сторон. Речь идет о том, что необходимо достижение баланса интересов, причем в двух плоскостях: интернационального и национального – одна плоскость; индивидуального и социального – другая⁴⁹. Именно осознание необходимости достижения указанных балансов как проявление глобализации находит отражение в развитии международного частного права.

С другой стороны, унификация указанных интересов в двух обозначенных плоскостях объективно невозможна. Всегда будут интересы интернациональные и национальные, а также индивидуальные и социальные. В этом выражается суть диалектико-материалистической обусловленности реальной действительности и ее развития. Именно указанная объективность обуславливает практическую невозможность достижения полной унификации интересов⁵⁰, соответственно общественных отношений, в т.ч. международных частных, и, как следствие, унификации международно-правового регулирования международных частных отношений. Стремиться к этому надо в силу объективно происходящих процессов глобализации. Но необходимо понимать, что полной унификации достичь не удастся. Все это является теоретической осно-

---

⁴⁹ См.: Там же. С. 10-12.

⁵⁰ См.: *Братиллов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.* Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М.: Инфра-М, 2000. С. 169.

вой для осознания объективной необходимости дальнейшего развития международного частного правового регулирования соответствующих отношений, причем во всех направлениях, как материальном, так и коллизионном, максимально учитывающем реальные процессы глобализации, происходящие в мировой социально-экономической системе.

Такой подход объективно обусловлен и процессами, происходящими в международной жизни. В конце 80-х – начале 90-х гг. была модной концепция единого правового пространства Европы, что можно было рассматривать как перевод процессов глобализации из социально-экономической сферы в политическую и правовую, практическая реализация которого потребовала принятия действенных шагов по унификации прежде всего материально-правового регулирования общественных отношений, в том числе и в области международных частных отношений. Однако, как отмечает И.И. Лукашук, «после прекращения существования СССР западные державы утратили интерес к реализации концепции, хотя с точки зрения общеевропейских интересов она приобрела еще большее значение. Что же касается России, то ее внешняя политика сосредоточилась на обеспечении чисто национальных интересов»⁵¹. Это еще раз подчеркивает, с одной стороны, объективную основу для существования различий в национальных правовых системах и соответственно необходимости дальнейшего совершенствования национальных кодификаций международного частного права, с другой – объективную необходимость не только международного материального, но и коллизионного регулирования международных частных отношений.

В целом же необходимо сделать вывод, что и коллизионное регулирование, и прямое регулирование императивными материальными нормами, имеющими особое значение, и регулирование унифицированными материальными и коллизионными нормами обусловлены объективными тенденциями в рамках единого процесса глобализации.

---

⁵¹ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. С. 48-50.